УДК 070

DOI: 10.17223/19986645/61/15

Н.В. Жиликова

ЗЛОЙ ЦЕНЗОР, ДОБРЫЙ ЦЕНЗОР: СПЕЦИФИКА ЦЕНЗУРИРОВАНИЯ ПЕРВОЙ ЧАСТНОЙ ГАЗЕТЫ В ТОМСКЕ («СИБИРСКАЯ ГАЗЕТА», 1881–1888 гг.)¹

Анализируется архивное дело «По изданию в городе Томске “Сибирской газеты”», хранящееся в Российском государственном историческом архиве, в котором отражена цензурная история первой частной томской газеты. На основе архивных материалов рассматривается история открытия газеты и ее конфликта с местным цензором в 1881 г., проявляющая представления редакции и власти о взаимоотношениях прессы и цензуры. Делается вывод о значимости субъективного фактора в цензурировании провинциальной прессы.

Ключевые слова: цензура, журналистика, «Сибирская газета», Томск.

Введение

Исследования, посвященные цензуре сибирской периодической печати конца XIX – начала XX в., свидетельствуют о сильном влиянии субъективных факторов в этой сфере. С одной стороны, сибирские цензоры должны были руководствоваться теми же правилами, что и представители цензурного ведомства в столицах и городах европейской части России. Однако история многих дореволюционных изданий Сибири показывает, какие широкие возможности существовали «на местах» либо для облегчения цензурного режима, либо для его крайнего ужесточения. Этот тезис наглядно иллюстрирует цензурная история «Сибирской газеты» – первого частного издания в Томске и первой крупной частной газеты в Западной Сибири.

Цель настоящего исследования – выявить особенности цензурирования томской «Сибирской газеты» (1881–1888) на основе исследования архивных дел Российского государственного исторического архива. Используются также воспоминания современников и переписка участников «Сибирской газеты», отражающие мнение журналистов о степени тяжести цензуры по отношению к изданию. Особое внимание сосредоточено на истории открытия газеты и на первом эпизоде ее столкновения с цензурой в 1881 г.

Цензурная история «Сибирской газеты» неоднократно становилась предметом научной рефлексии. Исследователи обращали внимание на ее «предшественников» – неосуществленные газетные проекты П.И. Маку-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00352А «“Секретно. Конфиденциально”»: цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной Томской губернии)».

шина [1], на роль губернатора В.И. Мерцалова в утверждении разрешения на издание «Сибирской газеты» Главным управлением по делам печати и особенности взаимоотношений с цензорами во время существования газеты ([2–6] и др.). В настоящей статье впервые подробно раскрывается содержание архивного дела об издании газеты, хранящегося в РГИА, в котором последовательно отражены все нюансы взаимоотношений газеты и цензурного ведомства, благодаря чему восстанавливается «тайная» история противостояния «Сибирской газеты» и цензурного ведомства, относящаяся к 1881 г.

Предшественники «Сибирской газеты»

Прежде чем получить разрешение от Главного управления по делам печати на издание «Сибирской газеты», ее основатель, известный томский предприниматель и меценат П.И. Макушин, дважды пытался наладить в Томске выпуск частной газеты. Однако обе попытки оказались неудачными, поэтому сведения о них сохранились только в архивных делах [7, 8].

В 1876 г. П.И. Макушин выступил с инициативой основания еженедельной газеты под названием «Томский листок» по широкой программе, включающей телеграммы, статьи, очерки, корреспонденции, критические заметки и др. Губернатор уведомил Главное управление по делам печати, что «Макушин человек вполне благонадежный» и потому препятствий со стороны губернской власти к изданию «Томского листка» нет никаких, кроме... отсутствия в городе такого лица, «которому бы могла быть поручена цензура предполагаемой г. Макушиным к изданию газеты» [7. Л. 3]. Этот барьер преодолеть оказалось невозможно, прошение было отклонено.

В 1878 г. П.И. Макушин вновь обратился в Главное управление по делам печати с прошением разрешить ему издавать в Томске газету, но теперь уже по чрезвычайно сокращенной программе, под названием «Томский справочный листок». После ряда согласований в программе газеты остались только два отдела: «Известия: о рыночных и торговых ценах на местные и привозные товары, о ценах за провоз товаров до разных мест, о приходе и отходе почт и пароходов, о прибывающих и выбывающих лицах, о состоянии погоды, о зрелищах и увеселениях, выставках и проч.» и «Объявления казенных и общественных мест и лиц должностных и частных» [8. Л. 9]. Исполняющий должность начальника Главного управления по делам печати В. Григорьев, рассмотрев это прошение, резюмировал: «Принимая в соображение, что для рассмотрения “Справочного листка” нет надобности назначать особого цензора, так как все входящие в программу этого издания сведения могут быть печатаемы с разрешения местной полиции, я полагал бы возможным удовлетворить настоящее ходатайство Макушина» [8. Л. 5–6].

На этот раз Макушин разрешение на издание получил, но выпускать «Томский справочный листок» не стал, надеясь на то, что ему позволят расширить программу газеты хотя бы до пяти отделов. Однако через год

было аннулировано и это разрешение, так как не было издано ни одного номера газеты.

Можно сделать вывод, что главная проблема, с которой столкнулся П.И. Макушин при основании газеты, — это отсутствие в Томске людей, которые могли бы исполнить роль цензора. Если эта проблема решалась, как в случае с «Томским справочным листком» (программа газеты была настолько узкой, что не было необходимости в особом цензоре), то разрешение на газету можно было получить.

В итоге Макушину удалось создать собственную газету только с третьей попытки, и огромную роль в этом сыграла поддержка нового томского губернатора В.И. Мерцалова.

Основание «Сибирской газеты»: цензурная «подоплека»

О том, как формировался состав редакции «Сибирской газеты», как обсуждалась концепция нового томского издания, известно главным образом из мемуаров основателя газеты П.И. Макушина и журналиста Е.В. Корша — бывшего редактора «Северного вестника», юриста, который очутился в Сибири как уголовный ссыльный, но очень помог своим издательским опытом в становлении нового органа печати [9. С. 30–35, 45–54]. В то же время между Главным управлением по делам печати, Департаментом государственной полиции, Главным управлением по делам Сибири и томским губернатором велась активная переписка, скрытая от глаз общественности, которая должна была прояснить вопрос: быть или не быть частной газете в Томске.

Департамент государственной полиции на запрос Главного управления по делам печати от 10 июля 1880 г. за № 2679 уведомлял, что хотя он и не имеет сведений об издателе Петре Макушине и редакторе Александре Ефимове, «которые могли бы служить препятствием к удовлетворению сего ходатайства», тем не менее в целом он против нового издания. Директор департамента барон И.О. Велио писал:

...нельзя не заметить, что при недостаточном развитии общественной жизни г. Томска в настоящее время там не встречается, подобно другим городским центрам, настоящей потребности в издании современного печатного органа, который мог бы вполне быть заменен раздѣлами неофициальной части губернских ведомостей [10. Л. 1].

Обращают на себя внимание аргументы департамента полиции против возникновения новой газеты в Томске: отсутствие развитой общественной жизни и существование неофициального отдела «Томских губернских ведомостей». Первое утверждение прямо противоречило действительности, поскольку в это время томская общественность уже неоднократно проявляла свою активность и в сюжете с первыми сибирскими областниками, группировавшимися как раз вокруг неофициальной части «Томских губернских ведомостей», и в истории с основанием первого высшего учебного заведения за Уралом — сибирского университета, местом строительства которого под нажимом общественности был выбран Томск, и т.д. Еще бо-

лее парадоксальной была ссылка на то, что неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» способна была удовлетворить информационные потребности местного общества, поскольку программа этой газеты была очень узкой и сама газета находилась под контролем местного чиновничества.

Однако в этом случае на защиту будущей газеты встал томский губернатор В.И. Мерцалов, который получил поддержку генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова. Это выразилось в том, что 31 октября 1880 г. Главное управление Западной Сибири информировало Главное управление по делам печати, что оно считает «возможным дозволить» издание газеты. Временно исполняющий должность генерал-губернатора отмечал, что «господа Макушин и Ефимов в политическом отношении вполне благонадежны» и, судя по программе газеты, она «не будет слишком резко выделяться из ряда разрешенных уже провинциальных изданий». Самое же главное, писал он, «...направление, которого будет держаться эта газета, в настоящее время с точностью еще не может быть определено, но принимая в соображение, что во главе этого предприятия стоит г. Макушин, человек с небольшими средствами, приобретенными честным трудом и пользующийся солидной в городском обществе репутацией, едва ли можно сомневаться, что предполагаемое предприятие будет вполне благонамеренным органом гласности, рассчитанным на прочное существование, а не на эфемерный успех» [10. Л. 3].

Существовал и «секретный план» на случай, «если настоящее предположение не оправдается»:

...местная губернская власть всегда будет иметь в своем распоряжении могущественное оружие – предварительную цензуру, чтобы своевременно парализовывать вредное влияние газеты при уклонении ее на неприемлемый путь [Там же. Л. 4].

Таким образом, одним из главных аргументов для разрешения газеты в Томске стала уверенность властей в личности ее издателя – П.И. Макушина. С другой стороны, цензором газеты согласился быть сам томский губернатор – В.И. Мерцалов. К этому времени он исполнял должность главы Томской губернии очень недолго (был назначен губернатором 7 марта 1880 г.), и он имел прямое отношение к журналистике. Как писал П.И. Макушин, «...местный губернатор В.И. Мерцалов, бывший (в начале своей служебной карьеры) редактором “Кяхтинского листка”, отнесся к моему начинанию “доброжелательно”, заявив готовность лично цензурировать газету, в случае ее разрешения» [9. С. 30].

Необходимо отметить, что П.И. Макушин испытывал искреннюю благодарность к губернатору за его хлопоты. В анализируемом архивном деле хранится письмо П.И. Мерцалова в Главное управление по делам печати, в котором он цитирует письмо П.И. Макушина от 21 марта 1881 г. со следующими строками:

Мне, бесполезно хлопотавшему в течение трех лет об издании в Томске газеты, более чем кому-либо известно, что положительное разреше-

ние получено только благодаря Вашему доброжелательному отзыву; забыть это порядочному человеку невозможно [10. Л. 38].

Личная заинтересованность нового главы губернии в собственной газете и безупречная репутация издателя позволили наконец основать в Томске первую частную «Сибирскую газету», первый номер которой вышел 1 марта 1881 г.

Первые «цензурные впечатления»

О выходе первого номера «Сибирской газеты» рассказывал в письме к Г.Н. Потанину А.В. Адрианов, будущий редактор издания:

Томск, 1 марта 1881 года. <...> У нас сегодня праздник – вышел первый номер «Сибирской газеты»; Вы получите его, вероятно, зараз с письмом. Цензурирует Мамонов – должно быть в пику Мерцалову, все пропускает; воспользуемся его цензурой еще и на второй номер, а там беда, 3 номер к Мерцалову. Цензура оказалась сильнее в нашей редакции. Макушин и Ефимов – это рак и щука, я с Муромовым – лебеди, можете представить, что выходит; ко всякой резкой фразе придираются, требуют заменить одно слово или выражение другим и т.д. Мое сибирское обозрение пощипано порядочно домашней цензурой, но... (смотрите, это сор из избы – секрет, между нами) дело поправится [9. С. 134].

Из этого письма становится понятно, что цензором первых номеров был А.И. Дмитриев-Мамонов (1847–1915) – историк, библиограф, выпускник Московского университета, с 1876 г. – председатель Томского губернского правления. В дальнейшем цензуру, как и было решено с самого начала, начал осуществлять П.И. Мерцалов. О его деятельности в роли цензора писал также А.В. Адрианов, отмечая, что «...цензор вычеркивает что-нибудь обязательно в каждом номере; были серьезные неприятности. Газету обвиняют за вредное направление, за умышленную группировку фактов, которые рисуют безотрадную картину как русской, так и сибирской жизни» (письмо от 15 апреля 1881 г.) [Там же. С. 135]. Е.В. Корш же, напротив, вспоминал: «Отношения редакции с цензурой были... сносные, особых притязаний и притеснений не проявлялось» [Там же. С. 49].

Еще один участник «Сибирской газеты», С.Л. Чудновский, подтверждал:

Первым цензором «Сибирской газеты» был томский губернатор Мерцалов. Надо отдать ему справедливость: он много способствовал разрешению ее издания, лелея, по-видимому, тайную надежду приобрести в «Сибирской газете» свой, так сказать, лейб-орган, который популяризировал бы его, как либерального и талантливого администратора. В этих видах он, вероятно, и принял цензуру газеты непосредственно в свои руки. Красный карандаш некоторое время в его руках бездействовал, и редакция работала весело, бодро и с подъемом [Там же. С. 59–60].

Однако по достоинству оценить деятельность В.И. Мерцалова как «доброего» цензора редакция смогла, только столкнувшись с цензором

«злым» – управляющим томской казенной палатой М.А. Гиляровым, который в том же 1881 г. принял на себя исполнение цензорских обязанностей на время отсутствия губернатора в Томске.

«Сибирская газета» против Гилярова

Конфликт, произошедший между «Сибирской газетой» и ее цензором М.А. Гиляровым в 1881 г., хорошо известен исследователям сибирской журналистики, его хронология подробно восстановлена по воспоминаниям П.И. Макушина, Е.В. Корша, С.Л. Чудновского [9. С. 32, 50–51, 60]. В кратком изложении история эта выглядела следующим образом: в мае 1881 г. В.И. Мерцалов уехал из Томска для ревизии губернии, вместо него исполняющим обязанность губернатора и цензором газеты стал управляющий казенной палатой М.А. Гиляров. К своим обязанностям он отнесся крайне серьезно, вычеркнув из подготовленного номера 11 «Сибирской газеты» почти половину материалов. Корш так описывал полученные гранки:

Гилярову не понравился циркуляр нового министра внутренних дел графа Игнатьева; из телеграфного изложения этого циркуляра были вычеркнуты слова о том, что «правительство предоставит надлежащие свободы» общественным силам участвовать в искоренении крамолы; что «права дворянства, земства и городских сословий останутся неприкосновенными» и что «крестьяне получают возможное облегчение от тягостей, улучшение их общественного устройства и хозяйственного быта». Далее из официального отчета о судебном заседании по делу 1 марта, перепечатанного из «Правительственного вестника», в показании подсудимого Желябова Гиляровым были вымараны слова: «Я долго был в народе, работал мирным путем, но вынужден был оставить эту деятельность по той причине, на которую указал подсудимый Кибальчич». Описание казни осужденных, взятое из газеты «Порядок», также было урезано. Выкинула, затем, целая статья об «инспекции народных училищ», предлагавшая усилить влияние сельских обществ и училищных советов на народную школу за счет влияния казенных наблюдателей за народными училищами. Не ограничившись запрещением этой невиннейшей статьи, цензор написал на полях: «незавидный мечтатель». В том же роде была масса и других поमारок, с замечаниями на полях: «пустяки», «вздор», «ой ли?», «темна вода», «излишнее раздражение» и пр. [Там же. С. 50–51].

Получив корректуру, редакция подготовила номер с пробелами на месте вычеркнутых статей и предложений. М.А. Гиляров, в свою очередь, отказал в выдаче билета на выпуск газеты в таком виде. Редакция телеграфировала министру внутренних дел, а, получив ответ Главного управления по делам печати, расклеила его по улицам Томска: «...“пробелы”, составляя косвенный протест против цензуры, не допускаются». После этого «Сибирская газета» послала жалобу министру внутренних дел с приложением подлинных корректур М.А. Гилярова и разослала сообщение об инциденте в столичные издания: «Голос», «Порядок», «Московский телеграф» и др.

М.А. Гиляров также написал в Главное управление по делам печати свое объяснение произошедшего. В итоге № 11 за 1881 г. не вышел; в № 12 редакция «Сибирской газеты» напечатала сообщение о причинах невыхода предыдущего номера и объяснение М.А. Гилярова «для восстановления факта в точной его полноте».

В архивном деле эта история отражена в 12 документах, это:

1. Телеграмма от 10 мая 1881 г. редактора А. Ефимова и издателя П. Макушина в Главное управление по делам печати о том, что задержан № 11 газеты, отпечатанный с пробелами «вполне согласно с корректурами» М.А. Гилярова; редакция просит «немедленного распоряжения телеграммой о выпуске газеты» [10. Л. 11].

2. Просьба П. Вяземского, начальника Главного управления по делам печати, к М.А. Гилярову доставить ему «подлинные корректурные листы» задержанного № 11 и объяснить, «почему не была дозволена публикация о том, что номер этот не будет доставлен подписчикам (от 13 мая 1881 г.) [Там же. Л. 12].

3. Телеграмма М.А. Гилярова П. Вяземскому от 18 мая 1881 г. с объяснением происходящего (цензор «вычеркнул некоторые статьи», «в протест ему редакция напечатала с запрещенными большими пробелами», «перепечатать хотя было время упорно отказалась почему билета не выдано», «объявление о невиновности виновной редакции остановлено») и просьбой: «благоволите вынудить редакцию исполнять требования цензоров» [Там же. Л. 13].

4. Телеграмма П. Вяземского М.А. Гилярову от 26 мая 1881 г. с требованием: «предупредите Ефимова о неукоснительном выполнении требований цензурного устава. Выпуск газеты с пробелами <....> не допускается» [Там же. Л. 14].

5. Жалоба издателя П. Макушина и редактора А. Ефимова министру внутренних дел от 4 июня 1881 г. с подробным описанием произошедшего, перечислением цензурных правок и объяснений, почему редакция считает, что действия цензора были «произвольны и незаконны», и просьбами об урегулировании отношений цензуры и газеты [Там же. Л. 15–19].

6. Просьба от члена Совета Главного управления по делам печати Ф.П. Еленева передать в Главное управление по делам печати корректурные листы и отпечатанный с пробелами № 11 «Сибирской газеты» для рассмотрения (4 июня 1881 г.) [Там же. Л. 20].

7. Объяснение М.А. Гилярова Главному управлению по делам печати его действий по цензуре «Сибирской газеты» от 25 мая 1881 г. [Там же. Л. 21–23].

8. Корректурные листы № 11 «Сибирской газеты» с правками М.А. Гилярова [Там же. Л. 24а–24и].

9. № 11 «Сибирской газеты», отпечатанный с пробелами на месте цензурных правок [Там же. Л. 25].

10. Просьба к Ф.П. Еленеву, члену Совета Главного управления по делам печати, составить письменное заключение о конфликте газеты и цензора (от 7 июля 1881 г.) [Там же. Л. 26].

11. Уведомление от 30 июля 1881 г. от П. Вяземского о том, что жалоба П. Макушина и А. Ефимова на действия цензора признана «не заслуживающей удовлетворения», так как «все непропущенные статьи и все сделанные исключения соответствуют требованиям предварительной цензуры» [10. Л. 27].

12. Письмо от 30 июля 1881 г. от П. Вяземского к М.А. Гилярову с изложением позиции Главного управления по делам печати в произошедшем конфликте: почему было решено поддержать Гилярова, а не газету [Там же. Л. 28–30].

Секретная переписка, сохранившаяся в архиве, не только дополняет имеющиеся сведения о конфликте, но и проясняет позицию газеты, цензора и Главного управления по делам печати в отношении их представлений о правах провинциальной прессы.

«Сибирская газета»: «цензура может ошибаться»

В жалобе П. Макушина и А. Ефимова, обращенной к министру внутренних дел, издатель и редактор подробно пересказывали свой конфликт с М.А. Гиляровым, временно выполнявшим обязанности цензора, и следующим образом обосновывали свое решение выпустить № 11 с пробелами на месте цензурных правок – решение, на которое редакция, по ее убеждению, «имела законное право»:

Убеждение это основано, во-первых, на том общем правиле всех современных законодательств, не исключая, конечно, и русского, что все не запрещенное законом считается дозволенным, а во-вторых на нашем убеждении, что пробелы, оставленные редакцией в № 11, возможны лишь в крайних исключительных случаях, а вовсе не для протеста против предварительной цензуры, против которой, как института, возможно, на вполне законных основаниях, протестовать открытой речью. К пробелам редакции бывают вынуждены прибегать тогда, когда речь автора искажается и обесцвечивается исключением некоторых выражений, слов, аргументов и пр., или тогда, как это всегда возможно при спешном и срочном газетном деле, редакция не имеет под рукой другого готового и одобренного к печати материала, чтобы заменить зачеркнутые статьи [Там же. Л. 16].

Редакция считала, что она может позволить себе объяснить публике причину «бессвязной речи или отсутствия обычных газетных статей», тем более что «и цензура, особенно местная, может ошибаться и запрещать то, что впоследствии будет разрешено к печатанию высшим надзором за печатью» [Там же].

Подробно описав все исключенные места и дав свой комментарий действиям цензора как «несообразным», «произвольным и незаконным», представляющим собой «прямое превышение власти», а то и «несомненное нарушение ст. 91 цензурного устава», редактор и издатель подчеркивали, что М.А. Гиляров руководствовался своим личным, субъективным мнением:

Из сделанных на полях корректуры замечаний г. Гилярова можно заключить, что он не разделяет взглядов автора, но по закону это послед-

нее обстоятельство не дает цензору права препятствовать напечатанию статьи, расходящейся с его личными взглядами по данному вопросу [10. Л. 17].

Особенно это проявилось, на взгляд подателей жалобы, в эпизоде с полным удалением из номера фельетона «Очерки и картинки провинциальной жизни»:

...если даже смотреть на него так, как взглянул г. Гиляров, то есть как на написанный “в минуты вольного раздумья”, он не заслуживает запрещения по крайней мере безобидностью своего содержания. Это – картинка местного настроения, и можно не разделять наблюдений автора, но мешать ему высказать это наблюдение, по нашему мнению, не представляет никаких оснований [Там же. Л. 18].

В конце документа редактор и издатель сформулировали свои предложения по разрешению конфликта:

1) Разрешить напечатание в «Сибирской газете» всех отрывков и статей, исключенных г. Гиляровым в № 11,

3) Признать за редакцией «Сибирской газеты» право свободно перепечатывать газетные известия и выдержки из газетных статей, не вызвавших никаких административных запретительных распоряжений,

3) Разрешить, в тех случаях, когда это редакция признает нужным, оставлять пробелы не больше десяти строк... от тех статей, которые подвергаются сокращению со стороны цензора, и

4) Разъяснить действительному статскому советнику Гилярову, что он не вправе делать не только допущенных или оскорбительных для редактора и автора приписок, но и каких бы то ни было, касающихся внутреннего достоинства статей, замечаний на корректурных листах, а равно и вставок в текст цензурируемого номера газеты (ст. 91 Цензурного устава) [Там же. Л. 19].

Примечательно, что напротив последнего предложения было подписано чиновником, изучающим жалобу: «Это справедливо».

Большая часть предложений, конечно, выглядели достаточно наивными, и ответы Главного управления по делам печати показали, что «Сибирская газета» зря рассчитывала на какие-то уступки со стороны «высшего надзора за печатью». Однако в целом эта жалоба представила четкую и ясную позицию газеты как органа печати, который борется за свободу слова и свободу мысли, готов защищать своих авторов от цензурского произвола. Эта позиция была хорошо известна ее сотрудникам и читателям, она не ставится под сомнение исследователями. А вот мнение другого участника конфликта – управляющего казенной палатой М. Гилярова, как правило, не учитывалось исследователями этой ситуации.

М.А. Гиляров: «...действовал по долгу службы и совести»

Согласно телеграмме начальника Главного управления по делам печати М.А. Гиляров выслал в столицу корректурные листы № 11 «Сибирской

газеты» со своими правками, однако он счел необходимым сопроводить эти листы объяснением произошедшего.

Кратко, рубленным слогом М.А. Гиляров перечислял событийный ряд:

Цензор Сибирской газеты есть губернатор. За губернатора управляя губернию и цензуруя № 11 газеты, одни статьи урезал, другие вычеркнул и сделал некоторые заметки карандашом. То же самое делал г. губернатор и редакция подчинялась, а теперь, в нарушение принятого порядка, печатает № 11 газеты с большими пробелами и целыми белыми страницами, как видно из прилагаемого экземпляра [10. Л. 21].

Из объяснений М.А. Гилярова видно, что он был немало удивлен реакцией газеты на его цензурную политику, ведь «то же самое делал губернатор». Однако у него имелось свое объяснение поведению редакции:

Явно протестуя против меня, как цензора-губернатора, редакция не могла рассчитывать на уступку с моей стороны своих прав и власти. Административные уступки вредны и в отношении редакции, сам губернатор предупредил меня быть осторожнее. Власть же должна быть всегда устойчива, непоколебима и дело честного человека твердо держать власть в руках, хотя бы она и дана была ему на самое короткое время [Там же].

В своем объяснении Гиляров настаивал на том, что конфликт спровоцировал не он, а редакция:

...печатающая № 11 в таком сокращенно-карикатурном виде, с такими пробелами, которые на газетном листе не допускаются, редакция сама умышленно запрещала выдачу ей билета на выпуск газеты. Протестуя против цензора-губернатора и тем преграждая выпуск газеты, редакция явно грешила против прямых своих обязанностей [Там же].

Цензор искренне считал, что редакция должна была перепечатать № 11, в чем состоял «прямой долг ее перед подписчиками», но редакция «мнит только о своих правах и не помнит своих обязанностей», и потому она выбрала путь, далекий от «прямоты и правдивости» – номер не перепечатала, а вместо этого собиралась разослать подписчикам «неправдивое и умышленно фальшивое объявление» о причинах невыхода газеты (рассылка была Гиляровым запрещена).

Из описания дальнейших действий газеты М.А. Гиляровым можно заметить, что его особенно возмутил следующий факт:

Видите ли, редакция обратилась с жалобой к г. министру внутренних дел, а за защитой к «Голосу» и «Порядку», вместо одного прямого пути избирает кривой, это понятно. Наша местная газета есть верный отголосок «Голоса» и «Порядка», она вслед за ними трактует о том, что власть давит местную печать, что администрация делает обязательною перепечатку позорных передовых статей «Московских ведомостей» (№№ 1 и 2). Одно уже это указывает на склад и направление нашей местной газеты и вынуждает цензора-губернатора быть крайне осмотрительным и строгим [Там же. Л. 23].

В заключение временный цензор «Сибирской газеты», оправдывая свои действия, раскрывал свою истинную установку по отношению к местной печати:

...был я, может быть, строгим цензором-губернатором, но действовал по долгу службы, совести и крайнему разумению, а мое разумение приводит к тому заключению, что газеты и газетки, в коих много пустого либерализма и мало истинного патриотизма, как змеи и змейки, шипя, не ужасают, если только вовремя крепко будут ущемлены или вовсе уничтожены. Местная печать полезна, когда она правдиво излагает местные порядки, указывает на лучшее в России, чего нет еще в Сибири, а не пустословит о вреде педагогических инспекторов, о мировых задачах и общем переустройстве [10. Л. 23].

Таким образом, объяснение Гилярова позволяет сделать вывод, что он действительно был предубежден по отношению к «Сибирской газете» и намерен был ее «крепко ущемить» – возможно, в пику слишком либеральному губернатору Мерцалову. Именно против этой позиции «злого цензора» выступила редакция «Сибирской газеты», не желая поддерживать Гилярова в его стремлении продемонстрировать «твердую непоколебимую власть».

Главное управление по делам печати: «поддержать авторитет местной власти»

Рассматривая конфликт цензора и редакции газеты, Главное управление по делам печати прямо заявило, что оно «...полагает существенно необходимым поддержать в настоящем случае авторитет местной власти против настойчивого домогательства издателя и редактора», выдвигая следующие аргументы. Прежде всего князь П. Вяземский отметил:

...цензура провинциальных газет, поручаемая губернским чиновникам, почти везде оказывается крайне неудовлетворительною. Большинство этих чиновников относится к сей обязанности без понимания и сверх того весьма нерадиво. Издаваемая в г. Иркутске газета «Сибирь» в течение многих лет была предметом непрерывных и бесплодных настояний со стороны Главного управления по делам печати пред генерал-губернатором Восточной Сибири по тому поводу, что эта газета наполнялась преимущественно диффамациями должностных и частных лиц, а иногда даже помещала статьи социалистического характера [Там же. Л. 29].

Имея печальный опыт неэффективного «усмирения» газеты «Сибирь», Главное управление по делам печати было радо обнаружить в Томске цензоров другого рода:

Имея в виду, что в Томске, из числа губернских чиновников, нелегко найти такого, который по своему образованию и по серьезному образу мыслей, был бы способен к обязанностям цензора, нельзя не отнестись с полным сочувствием к тому, что сам томский губернатор, и в случае его отсутствия лицо, его замещающее, приняли на себя труд цензурировать, и цензурировать весьма внимательно местную газету, намеревающуюся, как оказывается, взять для себя образцом петербургские газеты нежелательного либерального направления [Там же].

Еще одним обстоятельством, которое склонило Главное управление по делам цензуры на сторону местной власти, стало обращение «Сибирской газеты» за помощью к столичным органам печати. Заметно раздражение, которое вызвал этот факт у князя Вяземского:

Во-вторых, поддержать авторитет местной власти в настоящем случае необходимо и потому, что просители, одновременно с отправлением жалобы на имя г. министра, разослали жалобные мольбы и в редакции различных газет, как-то «Голоса», «Порядка» и других, в которых, между прочим, выражают надежду, что г. министр «оградит их газету от таких действий, которые во времена острой цензуры не были бы одобрены». Этот маневр апеллирования к верховному газетному трибуналу, даже еще прежде, чем дело решено в правительственных инстанциях, все более и более входит в обычай нашей повременной литературы, как своего рода нравственное насилие над правительственными властями и общественным образом мыслей [10. Л. 29].

Своим решением П. Вяземский хотел показать, что «правительство нимало не расположено подчиняться этой схеме газетных предрешений и запугивания судом печати»: поэтому, уведомлял он М.А. Гилярова, Сенат, «признавая все статьи и все сделанные исключения неудобными к печати, постановил отказать в удовлетворении ходатайства просителей» [Там же].

Единственная уступка, которую сделало Главное управление по делам печати редакции газеты, касалась ее замечания о том, что цензор «делает на корректурном листе критические замечания, касающиеся литературного достоинства статей, и даже вставляет в текст». П. Вяземский писал по этому поводу:

...что же касается сего последнего пункта жалобы, то он представляется основательным, потому что на основании ст. 91 Уст. Ценз., цензор не имеет права перемывать что-либо в представляемых на его рассмотрение статьях, и тем более не может прибавлять к ним от себя какие-либо примечания или толкования [Там же. Л. 30].

Обращает на себя внимание то, что ответ редакции от Главного управления по делам печати занял один лист, в то время как для М.А. Гилярова предназначался развернутый текст, в котором его и похвалили как серьезного и ответственного цензора, и пожаловались на неудовлетворительную работу иркутских цензоров, и подробно объяснили мотивы поддержки местной власти. И только в самом конце письма П. Вяземский кратко упомянул о том, что отдельные действия М.А. Гилярова действительно противоречили цензурному уставу, а следовательно, являлись незаконными.

Письмо П. Вяземского к томскому цензору проясняет вопрос, который остался нерешенным для современников: «Сделано ли было какое-либо указание цензору – неизвестно», писал П.И. Макушин в своих воспоминаниях [9. С. 32]. Да, цензору было указано на недопустимость помет, вставок и замечаний на корректуре. Это возымело действие, о чем мы можем судить по воспоминаниям Е.В. Корша, который отмечал, что «следующие

два номера «Сибирской газеты» были пропущены Гиляровым без первоначального неистовства, а потом возвратился В.И. Мерцалов, и дело опять пошло гладко, без резких инцидентов» [9. С. 51].

Выводы

Таким образом, изучение цензурного дела «Сибирской газеты», сохранившегося в архиве Главного управления по делам печати, позволяет сделать вывод, что субъективный фактор играл важную роль на первоначальном этапе развития региональной печати. Это отмечают многие исследователи. В частности, Н.Г. Патрушева писала о том, что «личность цензоров играла большую роль, поскольку разные чиновники по-разному относились к своим обязанностям» [11. Т. 1. С. 241]. В рассматриваемом случае хорошие отношения с губернатором позволили основать газету в Томске, преодолев нежелание столичного начальства создавать конкуренцию неофициальному отделу «Томских губернских ведомостей». И напротив, неприязненное отношение заместителя губернатора к местной печати привело к конфликту с редакцией, который приобрел всероссийскую известность (благодаря его освещению в столичных газетах).

Столкновение со «злым цензором» показало, насколько беззащитна была газета перед чиновничьим произволом, который к тому же был поддержан Главным управлением по делам печати. Газета не смогла отстоять тексты от цензурных правок, не смогла сообщить своим подписчикам об истинных причинах невыхода номера, не смогла показать масштабы цензурского вмешательства – пробелы были запрещены.

Рассматриваемое цензурное дело убедительно показывает, что к конфликту привело разное понимание своих прав и обязанностей газетой и цензором. Заметно, что и та и другая сторона были полны иллюзий на этом первом, раннем этапе становления частной журналистики в Томске: газета с полной уверенностью в своей правоте искала защиты у министра внутренних дел и у столичной печати, цензор был полон решимости отстоять свое право вмешиваться в газетное дело. Это столкновение несколько «остудило» пыл конфликтующих сторон, и в дальнейшем конфликты с местной цензурой не были такими масштабными. Необходимо отметить, что авторы «Сибирской газеты» подчеркивали, что цензурные условия в дальнейшем были «в общем и сравнительно, – довольно сносны», ее цензоры Н. Петухов и А. Николаев «...строго придерживались цензурного устава и не считали себя призванными усиливать скорпионы последнего своими собственными измышлениями» [9. С. 61]. Тем не менее архивное дело об издании «Сибирской газеты» позволяет раскрыть еще несколько цензурных сюжетов, связанных с этим органом печати, что свидетельствует о необходимости продолжения изучения архивных дел РГИА.

Литература

1. Жиликова Н.В. К истории замысла газет П.И. Макушина «Томский листок» и «Томский справочный листок» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 2 (22). С. 129–139.

2. Ермолинский Л.Л. Сибирская печать и царская цензура (1875–1886 гг.) // Журналистика в Сибири. Иркутск, 1967. С. 38–39.
3. Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. 78 с.
4. Русские писатели в Томске. Томск : Водолей, 1996. 192 с.
5. Сталева Т.В. Сибирский просветитель Петр Макушин. Томск : Кн. изд-во, 1990. 248 с.
6. Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень : ТГАКИ, 2007. 104 с.
7. РГИА. Ф. 776. Оп. 6. 1876 г. Д. 78. 6 л.
8. РГИА. Ф. 776. Оп. 11. 1878 г. Д. 20. 11 л.
9. Сибирская газета в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жиликовой ; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 200 с.
10. РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1880 г. Д. 71. 271 л.
11. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук : в 2 т. СПб., 2014.

Bad Censor, Good Censor: The Specifity of Censoring of the First Private Newspaper in Tomsk (*Sibirskaya Gazeta*, 1881–1888)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 61. 256–270. DOI: 10.17223/19986645/61/15

Natalya V. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: retama@yandex.ru

Keywords: censorship, journalism, *Sibirskaya Gazeta*, Tomsk.

The article is devoted to identifying features of censoring the Tomsk *Sibirskaya Gazeta* (1881–1888) on the basis of the study of archival files of the Russian State Historical Archive. The memoirs of contemporaries and the correspondence of the staff of *Sibirskaya Gazeta*, reflecting the journalists' opinions about the severity of censorship in relation to the periodical, are also used. Particular attention is focused on the history of the establishing of the newspaper and on the first episode of its collision with censorship in 1881. In order to show that personal relationships played an important role in the birth of the local press, the author refers to the censorship background of the establishment of *Sibirskaya Gazeta*. Its publisher, a famous Tomsk entrepreneur and philanthropist P.I. Makushin, could not immediately establish his own newspaper in Tomsk. The first attempt to publish a newspaper called *Tomskiy Listok* failed because of the lack of a person in Tomsk who could fulfill the duties of a censor, the second due to the extreme limitations of the allowed program. Only the third attempt was crowned with success, because Makushin was helped by the new Tomsk governor V.I. Mertsalov. He agreed to become the censor of the newspaper; with him, the editorial board felt quite free in terms of censorship. The conflict between the editorial staff and the censor considered in the article occurred in 1881, at the time when Mertsalov was not in Tomsk, and his duties were performed by an official M.A. Gilyarov. The study of archival documents convincingly demonstrates that this censor was biased against the local press, which affected his actions: after reading Issue 11 of *Sibirskaya Gazeta*, he struck out almost half of the articles, while accompanying them with critical comments on the margins of the censor sheets. The editorial office, protesting against such censorship arbitrariness, tried to issue a number with gaps in the field of crossed out articles and sentences, but Gilyarov forbade it. After that, the conflict moved to a different level: the editorial office appealed to the Minister of the Interior and the General Directorate of the Press, to the metropolitan newspapers with a request to resolve the contradictions. Having examined in detail the documents of the Russian State Historical Archive reflecting this conflict, the author comes to the conclu-

sion that the subjective factor also played a great role in it. In this case, a good relationship with the governor allowed the newspaper to be established in Tomsk. And, on the contrary, the hostile attitude of the deputy governor to the local press led to a conflict with the editorial office, which gained all-Russian fame (thanks to its coverage in the capital's newspapers). The archive case of the publication of *Sibirskaya Gazeta* allows disclosing a few more censorship plots associated with this periodical, which indicates the need to continue the study of archival files of the Russian State Historical Archive.

References

1. Zhilyakova, N.V. (2013) History of conception of Makushin's newspapers "Tomsk Leaflet" and "Tomsk Reference Leaflet". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (22). pp. 129–139. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/22/9
2. Ermolinskiy, L.L. (1967) *Sibirskaya pechat' i tsarskaya tsenzura (1875–1886 gg.)* [The Siberian press and tsarist censorship (1875–1886)]. In: *Zhurnalistika v Sibiri* [Journalism in Siberia]. Irkutsk: [s.n.]. pp. 38–39.
3. Lyubimov, L.S. (1982) *Istoriya sibirskoy pechaty* [The history of the Siberian press]. Irkutsk: Irkutsk State University.
4. Yanushkevich, A.S. et al. (1996) *Russkie pisateli v Tomske* [Russian writers in Tomsk]. Tomsk: Vodoley.
5. Staleva, T.V. (1990) *Sibirskiy prosvetitel' Petr Makushin* [Siberian enlightener Pyotr Makushin]. Tomsk: Kn. izd-vo.
6. Mandrika, Yu.L. (2007) *Provintsial'naya chastnaya pechat': spornye voprosy stanovleniya periodiki Sibiri* [Provincial private press: controversial issues of the formation of periodicals of Siberia]. Tyumen: TGAKI.
7. Russian State Historical Archive. Fund 776. List 6. Year 1876. File 78. 6 p. (In Russian).
8. Russian State Historical Archive. Fund 776. List 11. Year 1878. File 20. 11 p. (In Russian).
9. Zhilyakova, N.V. (2004) *Sibirskaya gazeta v vospominaniyakh sovremennikov* [Siberian newspaper in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Izd-vo NTL.
10. Russian State Historical Archive. Fund 776. List 12. Year 1880. File 71. 271 p. (In Russian).
11. Patrusheva, N.G. (2014) *Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoy sisteme Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In 2 vols. History Dr. Diss. St. Petersburg.